

Е.Н. Обоймина, О.В. Татькова

Райх Зинаида

(1894–1939)

И, песне внемля в тишине,
Любимая, с другим любимым,
Быть может, вспомнит обо мне
Как о цветке неповторимом.

Сергей Есенин

Мучительная любовь Сергея Есенина, женщина изломанной и во многом трагической судьбы — Зинаида Райх... Что объединило ее с русским поэтом, как складывались их отношения? Их дети, вероятно, во многом идеализировали мать, и это естественно. И все же их воспоминания очень интересны.

«Весной 1917 года Зинаида Николаевна жила в Петрограде одна, без родителей, работала секретарем-машинисткой в редакции газеты “Дело народа”, – писала дочь Есенина и Райх, Татьяна. – Есенин печатался здесь. Знакомство состоялось в тот день, когда поэт, кого-то не застав, от нечего делать разговорился с сотрудницей редакции. А когда человек, которого он дожидался, наконец пришел и пригласил его, Сергей Александрович, со свойственной ему непосредственностью, отмахнулся:

— Ладно уж, я лучше здесь посижу...

Зинаиде Николаевне было 22 года. Она была смешлива и жизнерадостна».

Есть ее снимок, датированный 9 января 1917 года. Она была женственна, классически безупречной красоты, но в семье, где она росла, было не принято говорить об этом, напротив, ей внушали, что девушки, с которыми она дружила, «в десять раз красивее».

По другим источникам, Есенин пришел в редакцию «эсеровской газетенки» вместе с другом, поэтом Алексеем Ганиным, таким же бездомным и неприкаянным. Сердобольная Зинаида позволила им переночевать на конторских стульях.

«В июле 1917 года Есенин совершил поездку к Белому морю, – продолжает Татьяна Есенина, – он был не один, его спутниками были двое приятелей... и Зинаида Николаевна... Уже на обратном пути, в поезде, Сергей Александрович сделал матери предложение, сказав громким шепотом:

— Я хочу на вас жениться.

Ответ: “Дайте мне подумать” — его немного рассердил. Решено было венчаться немедленно. Все четверо сошли в Вологде. Денег ни у кого уже не было. В ответ на телеграмму “Вышли сто, венчаюсь” — их выслал из Орла, не требуя объяснений, отец Зинаиды Николаевны. Купили обручальные кольца, нарядили невесту. На букет, который жениху надлежало преподнести невесте, денег уже не было. Есенин нарвал букет полевых цветов по пути в церковь...»

«Оба уже не были невинными, – замечает Андрей Петров в своем очерке о судьбе поэта, – переступали грань желания, но она не решилась признаться ему, уверяла, что девственница, это потом приводило в бешенство его — не потому, что отдавалась другому, а затем, что обманула его в словах».

«В конце лета приехали трое в Орел, – рассказывал спустя годы отец З. Райх. – Зинаида с мужем и какой-то белобрысый паренек. Муж — высокий, темноволосый, солидный, серьезный. Ну, конечно, устроили небольшой пир. Время трудное было. Посидели, попили, поговорили. Ночь подошла, Молодым я комнату отвел. Гляжу, а Зинаида не к мужу, а к белобрысенькому подходит. Я ничего не понимаю. Она с ним вдвоем идет в отведенную комнату. Только тогда и сообразил, что муж-то — белобрысенький».

Так мальчишеский вид Сергея Есенина весьма обескуражил новоявленного тестя.

«Вернувшись в Петроград, они некоторое время жили врозь, и это не получилось само собой, а было чем-то вроде дани благоразумию, – писала о родителях Т. Есенина. – Все-таки они стали мужем и женой, не успев опомниться и представить себе хотя бы на минуту, как сложится их совместная жизнь. Договорились поэтому друг другу “не мешать”. Но все это длилось недолго, они вскоре поселились вместе, больше того, отец пожелал, чтобы Зинаида Николаевна оставила работу, пришел вместе с ней в редакцию и заявил:

— Больше она у вас работать не будет.

Мать всему подчинилась. Ей хотелось иметь семью, мужа, детей. Она была хозяйственна и энергична».

«Жили они без особенного комфорта (тогда было не до того), – вспоминал актер Владимир Чернявский, в годы дружбы с Есениным — начинающий поэт, – но со своего рода домашним укладом и не очень бедно. Сергей много печатался, и ему платили как поэту большого масштаба. И он, и Зинаида Николаевна умели быть, несмотря на начавшуюся голодовку, приветливыми хлебосолами. Его... тешило право на простые слова: “У меня есть жена”... нежно поприветствовав гостя — меня или другого, — начинал без разбору распоряжаться: “Почему самовар не готов?” или: “Ну, Зинаида, что ты его не кормишь?”, или: “Ну, налей ему еще!”»

«Мы тогда жили в Петрограде, на Литейном, – рассказывал однажды Есенин своему грузинскому приятелю, Поэту Тициану Табидзе. – Зина оказалась женщиной хозяйственной, энергичной. С продуктами тогда было туговато, но и при всем их скромном наборе она придумывала необыкновенно вкусные вещи... Вы знаете, с каким искусством она делала этот борщ? Я думаю, если бы она пошла по поварской линии, из нее получился бы мастер своего дела. Я не раз наблюдал, как она священнодействовала...» Наутро после этого рассказа Есенин долго не выходил к завтраку. Жена Табидзе, Нина, постучала в дверь комнаты, где ночевал Сергей Александрович, и застала его в слезах. «Что с вами, Сережа? – спросила она. – Чем вы расстроены?» Есенин грустно усмехнулся и тихо ответил: «Да так... Вспомнил борщ с гречневой кашей...»

Рюрик Ивнев, один из есенинских приятелей, писал: «Когда мы сживали у них за чайным столом, стоило Зинаиде Николаевне выйти куда-нибудь на минуту из комнаты, как он, шутя, подмигивая мне, говорил: “Ну как, нравится тебе моя жена? Да ты говори, не стесняйся — может быть, не нравится?”» «Немцы говорят: умный хвалит собаку, дурак — жену, – обращаясь к народной мудрости, делает вывод А. Петров. – Брак все-таки таинство, интимная вещь, и можно болтовней разрушить невидимо и легко рвущуюся ткань...» Душа Зинаиды Николаевны была открыта навстречу людям. Она умела притягивать их к себе, при необходимости — ненавязчиво помочь, приободрить шуткой. Но при всем при том характером пошла в своего отца — человека вспыльчивого и резкого в суждениях.

«Первые ссоры были навеяны поэзией, – считала Т. Есенина. – Однажды они выбросили в темное окно обручальные кольца... и тут же помчались их искать (разумеется, мать рассказывала это с добавлением: “Какие же мы были дураки!”). Но по мере того как они все ближе узнавали друг друга, они испытывали порой настоящие потрясения...

С переездом в Москву кончились лучшие месяцы их жизни. Впрочем, вскоре они на некоторое время расстались...» Как сообщается в сборнике «Сенсационные бракоразводные процессы», жилья в Москве они не нашли. Есенин скитался по знакомым, ночуя то там, то сям. Слава поэта ширилась, он был везде желанным гостем, многих женщин пленяли его стихи, его красивое напудренное лицо и искусно завитые пшеничные локоны. Любопытно высказывание Анны Ахматовой, приведенное в записках Лидии Чуковской: «...Слишком уж он был занят собой. Одним собой. Даже женщины его не интересовали

нисколько. Его занимало одно — как ему лучше носить чуб: на правую сторону или на левую сторону?»

Беременная Райх поневоле держалась в тени, поодаль от богемных друзей мужа. Она сперва поселилась в убогом гостиничном номере, потом уехала рожать к родителям в Орел, где в мае 1918 года появилась на свет дочь Татьяна.

Анатолий Мариенгоф в своем «Романе без вранья» вспоминал откровения поэта: «А вот чего... не могу я с Зинаидой жить... вот тебе слово, не могу... говорил ей — понимать не хочет... не уйдет, и все... ни за что не уйдет... вбила себе в голову: “Любишь ты меня, Сергун, это знаю и другого знать не хочу”... Скажи ты ей, Толя... что есть у меня другая женщина...

— Что ты, Сережа!..

— Эх, милой, из петли меня вынуть не хочешь... петля мне — ее любовь... Толюк, родной, я пойду похожу... по бульварам, к Москве-реке, а ты скажи — она непременно спросит, — что я у женщины... с весны, мол, путаюсь и влюблен накрепко... а таить того не велел... Дай я тебя поцелую.

Зинаида Николаевна на другой день уехала в Орел...» Впрочем, это было еще не окончательное расставание супругов. Оставив маленькую Танюшу в Орле, у своих родителей, Зинаида вернулась к Сергею Александровичу.

В своих воспоминаниях А. Мариенгоф по-иному рассказывал о приезде Зинаиды Николаевны из Орла: «Привезла она с собой дочку — надо же было показать отцу. Танюшке тогда года еще не минуло. А из Пензы заявился друг наш... Михаил Молабух.

Зинаида Николаевна, Танюшка, няня ее, Молабух и нас двое — шесть душ в четырех стенах!

А вдобавок Танюшка, как в старых писали книжках, “живая была живулечка, не сходила с живого стулечка” — с няниных колен к Зинаиде Николаевне, от нее к Молабуху, от того ко мне. Только отцовского «живого стулечка» ни в какую она не признавала. И на хитрость пускались, и на лесть, и на подкуп, и на строгость — все попусту.

Есенин не на шутку сердился и не в шутку же считал все это “кознями Райх”.

А у Зинаиды Николаевны и без того стояла в горле горошиной слеза от обиды на Таньку, не восчувствовавшую отца».

Через два года на свет появился Константин Есенин, крестным отцом которого стал Андрей Белый. На ребенка, по воспоминаниям того же Мариенгофа, поэт не пожелал и смотреть. «Лишь случайно на платформе ростовского вокзала ему сказали, что в вагоне кисловодского поезда Райх с сыном — приглашают взглянуть на дитя, — рассказывает А. Петров. — “Фу! Черный!.. Есенины черными не бывают...” С тем и ушел. Сам ранимый донельзя, он едва ли мог быть назван деликатным. Сомнительно, что его отцовские чувства были сильны, если они вообще существовали, а то что порой он в экстазе восклицал: “Где моя жизнь? Где мои дети?..” — такие вопросы принято называть риторическими».

«Все непонятнее, — отмечала в своих воспоминаниях актриса А. Миклашевская, — казалась мне дружба Сергея Есенина с Анатолием Мариенгофом. Такие они были разные.

— Анатолий все сделал, чтобы поссорить меня с Райх... Уводил меня из дому, постоянно твердил, что поэт не должен быть женат... Развел меня с Райх, а сам женился и оставил меня одного... — жаловался Сергей».

Почему поэт все-таки расстался с Зинаидой Николаевной? На этот вопрос отвечает отвергнутый «черный» сын, Константин Есенин, в своем письме к М. Ройзману: «Безусловно, судя по рассказам матери и ее подруги — Зинаиды Вениаминовны Гейман, сыграли роль и “друзья” отца из группы “мужиковствующих”, неприязненно относившихся к моей матери. Она и сама относилась к ним с неприязнью, видя их тлетворное влияние на отца.

Видимо, сыграла во всем этом деле роль и нерусская фамилия матери — Райх, которую она получила от своего отца — моего деда. “Мужиковствующие” настаивали на еврейском, нерусском происхождении, в то время как мать у нее была русской, даже вышедшей из захудалого дворянского рода (Анна Ивановна Викторова). Отец матери — Николай Андреевич Райх — железнодорожник, выходец из Силезии. Национальная принадлежность его затерялась в метриках прошлого века».

А. Мариенгоф так описывал Зинаиду Николаевну: «Это дебелая еврейская дама. Щедрая природа одарила ее чувственными губами на лице круглом, как тарелка... Кривоватые ее ноги ходили по сцене, как по палубе корабля, плывущего в качку». Друзья Есенина не признавали за Райх и актерских способностей.

Осенью 1921 года Зинаида Райх стала студенткой Высших театральных мастерских. Училась она, кстати, на режиссерском отделении вместе с С. Эйзенштейном. С руководителем мастерских, В. Мейерхольдом, была знакома и раньше, в период своей работы в Наркомпросе. Они встречались и в знаменитой «Бродячей собаке», и в редакции издававшегося Мейерхольдом журнальчика «Любовь к трем апельсинам». Ее яркая внешность и пленительная женственность окончательно покорили режиссера, имевшего, по замечанию актрисы М.Ф. Андреевой, убийственные внешние данные — «лицо топором, скрипучий голос». Теперь же он воистину переживал свое второе рождение. Незадолго перед этим он был приговорен белогвардейцами к расстрелу и месяц находился в новороссийской камере смертников, пресса называла его «вождем театрального Октября», а судьба дарила встречу с удивительной женщиной!

Всеволод Эмильевич сразу и всерьез увлекся молодой ученицей (Райх была моложе его на двадцать лет). На одной из вечеринок Мейерхольд якобы сказал Есенину: «Знаешь, Сережа, я ведь в твою жену влюблен... если поженимся, сердиться на меня не будешь?» И Есенин шутливо поклонился режиссеру в ноги: «Возьми ее, сделай милость... По гроб тебе благодарен буду». Тем не менее, когда Зинаида Александровна в конце концов ушла к Мейерхольду, ругался: «Втерся ко мне в семью, изображал непризнанного гения... Жену увел...»

Мейерхольд сразу же усыновил Таню и Константина. Так знаменитый режиссер стал отчимом есенинских детей... Кстати, неплохим отчимом. «В театре перед Всеволодом Эмильевичем многие трепетали, — признавалась Т. Есенина. — Дома его часто приводил в восторг любой пустяк — смешная детская фраза, вкусное блюдо. Всех домашних он лечил — ставил компрессы, вынимал занозы, назначал лекарства, делал перевязки и даже инъекции, при этом сам себя похвалял и любил себя называть “доктор Мейерхольд”».

В театре перед ним действительно трепетали. Чего стоит одна цитата из книги Юрия Елагина «Укрошение искусств»: «В своем театре он был полновластным диктатором. Когда он входил в репетиционный зал, раздавалась команда помощника режиссера: “Встать! Мастер идет!” — И актеры, и присутствовавшая в зале публика обязаны были вставать».

В его доме редко бывало тихо: подчас на читку пьесы или репетицию собирался не один десяток гостей. Райх чувствовала себя в своей стихии: успевала и пьесой заниматься, и отдавать какие-то распоряжения по хозяйству. Кстати, все бывавшие в этом доме дружно отмечали, что с появлением Зинаиды Николаевны квартира, недавно еще лишенная самого необходимого, приобрела жилой и очень уютный вид.

В театре жену режиссера не очень любили, обвиняя в чрезмерном давлении на мужа. Не оставляли ее в покое и театральные критики... Рассказывали, как невзлюбила она талантливую Марию Бабанову: успех молодой актрисы очень раздражал Зинаиду Николаевну. Под давлением жены после всяких притеснений в отношении Бабановой Мейерхольд вынужден был в конце концов передать ей записку: «Вам нужно уйти из театра».

В одном из своих последних интервью популярный актер российского кино Михаил Жаров вспоминал о начале театральной карьеры: «...Наконец пошел к Мейерхольду. Он взял меня. Притом с экзаменом. Сдавал экзамен вместе с Зинаидой Райх. В один день нас с ней и приняли. Был я у Мейерхольда до 1926 года...

А Зину он ревновал! Может, потому и роли мне давал не ахти какие. Зинаида была, конечно, женщина потрясающая. Но ведь женщина... Мать! Есенин ее бросил. У Мейерхольда она, по-моему, укрылась: и материально, и семейно, и с ролями. Но не душевно. Была она ему не по зубам...

Я крепкий был, стройный, молодой. Бывало, начнет она меня за плечи тискать: “Ого! Ты что, в армии служил?”

Не знаю, может, и нашептывали ему, разжигали. А может, еще и название пьесы оказалось некстати? Словом, на репетиции “Великолепного рогоносца” Райх, по роли, стояла где-то высоко, на помосте, и развешивала белье. А я внизу, у сторожки. Он кричит: “Ближе! Ближе подойди! Еще!” Я и подошел прямо под нее. “Говори!” И я говорю свою роль, задрав башку вверх. Он бешено так: “Ты что ей под юбку смотришь?” — “А куда мне смотреть? Вы же сами...”

Так и ушел от него. Расстались».

«Сколько я ни повидал на своем веку обожаний, но в любви Мейерхольда к Райх было нечто непостижимое, – писал кинодраматург Евгений Габрилович. – Неистовое. Немыслимое. Беззащитное и гневно-ревнивое... Нечто беспамятное. Любовь, о которой все пишут, но с которой редко столкнешься в жизни. Редчайшая... Пигмалион и Галатhea — вот как я определил суть. Из женщины умной, но никак не актрисы Мастер силой своей любви иссек перwokлассного художника сцены».

«Как мне известно, мать и С.А. переживали разрыв мучительно, и даже после того как мать вышла замуж за Всеволода Эмильевича Мейерхольда, встречались неоднократно на квартире Зинаиды Вениаминовны Гейман, – рассказывал Константин Есенин. – Всеволод Эмильевич, по словам Гейман, а он был человек наблюдательный, узнал об этих встречах и имел серьезный разговор с Зинаидой Вениаминовной. “Вы знаете, чем все это кончится? С.А. и З.Н. снова сойдутся, и это будет новым несчастьем для нее”».

Когда Константин был совсем маленьким, отец несколько раз навещал его с сестрой. Увидев на столе тоненькие детские книжицы, поинтересовался, читают ли дети его стихи. Заметив растерянность Тани и Кости, наставительно произнес: «Вы должны читать и знать мои стихи...»

«Когда он ушел, толпившиеся внизу соседки срочно принялись выяснять, что он принес нам в подарок, – вспоминал выросший сын. – Однако подарков, к общему негодованию, не было. А тем, кто особенно возмущался, мать дала категорическое разъяснение: “Есенин подарков детям не делает. Говорит, что хочет, чтобы любили и без подарков”. И, пожалуй, они были правы. Впрочем, мать не придерживалась этого правила и часто баловала нас подарками.

Четко осталась перед мысленным взором сцена, когда в нашей столовой между отцом и матерью происходил энергичный деловой разговор. Он шел в резких тонах. Содержания его я, конечно, не помню, но обстановка была очень характерная: Есенин стоял у стены, в пальто, с шапкой в руках. Говорить ему приходилось мало. Мать в чем-то его обвиняла, он защищался. Мейерхольда не было. Думаю, что по инициативе матери».

Несколько лет спустя после этой сцены, навсегда запавшей в память, мальчик прочитал есенинское «Письмо к женщине»:

Вы помните,
Вы все, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое

В лицо бросали мне...

«А что, это о том случае написано?» — спросил он маму. Она улыбнулась в ответ...

Известно, что сцены между Зинаидой Николаевной и поэтом имели прямое отношение к проблемам материальным. Так, например, когда Сергей Александрович находился в клинике, его посетила одна старая знакомая с поручением от Райх, которая требовала денег на содержание дочери, грозила Есенину судом и арестом гонораров в Госиздате.

Любопытные сведения о Зинаиде Николаевне содержатся в книге уже упоминавшегося Ю. Елагина о Мейерхольде — «Темный гений», изданной в Америке в 1954 году. «Райх была чрезвычайно интересной и обаятельной женщиной, обладавшей в очень большой степени тем необъяснимым началом, которое по-русски называется “поди сюда”, а на Западе известно под именем *sex appeal* (сексапильности).

Всегда была она окружена большим кругом поклонников, многие из которых демонстрировали ей свои пылкие чувства в весьма откровенной форме.

Райх любила веселую и блестящую жизнь: любила вечеринки с танцами и рестораны с цыганами, ночные балы в московских театрах и банкеты в наркоматах. Любила туалеты из Парижа, Вены и Варшавы, котиковые и каракулевые шубы, французские духи, пудру “Коти” и шелковые чулки... и любила поклонников».

«Если действительно Зинаида Райх была женщиной особой породы, созданной для роскоши и адюльтера, женщиной типа Лили Брик. Ларисы Рейснер, то, конечно же, ее жизнь с Сергеем Есениным была обречена на неудачу, — словно бы вступает в диалог с Ю. Елагиным Станислав Куняев в своем исследовании «Сергей Есенин». — Ведь недаром и Всеволод Мейерхольд, который дал Райх все, что не мог дать ей Есенин, — материальное благосостояние, положение в обществе, возможность царить в собственном салоне посреди нэпмановской Москвы, недаром Мейерхольд испытал куда большие муки, живя с этой женщиной, нежели его предшественник».

Некоторые современники считали: даже обласканная чувством известного режиссера, живя рядом с ним в тепле и достатке, Зинаида Николаевна легко бы вернулась к Есенину — только бы поманил. Судя по всему, это была единственная настоящая любовь в ее жизни... А. Миклашевская, адресат есенинского цикла «Любовь хулигана», вспоминала день похорон поэта: «Зинаида Райх обнимала своих детей и кричала: “Ушло наше солнце”. Мейерхольд бережно обнимал ее и детей и тихо говорил: “Ты обещала, ты обещала...”»

Исследователи не очень любят упоминать о том, что еще до гибели Есенина Зинаида Николаевна (похоже, все больше и больше терявшая рассудок) проходила лечение в психиатрической клинике...

«Хорошо помню дни после сообщения о смерти отца, — писал К.С. Есенин. — Мать лежала в спальне, почти утратив способность реального восприятия. Мейерхольд размеренным шагом ходил между спальней и ванной, носил воду в кувшинах, мокрые полотенца. Мать раза два выбегала к нам, порывисто обнимала и говорила, что мы теперь сироты».

«Мать считала, что, если бы Есенин в эти дни не оставался один, трагедии могло не быть, — свидетельствовала Татьяна Есенина. — Поэтому горе ее было безудержным и безутешным и “дырка в сердце”, как она говорила, с годами не затягивалась...»

До конца дней своих она все еще с тоской и ужасом вспоминала «о самом главном и самом страшном в моей жизни — Сергее».

В 1930 году Мейерхольду разрешили вывезти в Париж своего знаменитого «Ревизора». На другой день после премьеры — 18 июня — Райх дружески сообщала в письме молодому талантливому пианисту Льву Оборину: «Успех, триумф!!! — как говорят парижане... Наша квартира — мы живем у друзей Всеволода Эмильевича — шесть комнат — превратилась в оранжерею от цветов... Вчера лежала весь день — нездоровилось...

Всеволода расхищают дела и деловые свидания. Говорят, он нравится парижским женщинам!!! Не только Вы, милый Дон-Жуанчик! Глупое мое сердце все же в тревоге: как дальше, чем кончится, всего боюсь, все страшно...»

Предчувствия ее не обманули...

«К 1936 году гонение и нажим на Мейерхольда достигли большой остроты, – пишет Ю. Елагин. – И именно в эти годы он поставил пьесу Александра Дюма-сына “Дама с камелиями” со своей женой — красивой актрисой Зинаидой Райх — в заглавной роли. Был ли этот спектакль дерзким вызовом Комитету по делам искусств? Или это был каприз большого мастера? Или, может быть, дань новым настроениям, смутной тревоге, предчувствию скорого трагического конца?»

В январе 1938 года было подписано постановление о закрытии театра Мейерхольда. После ареста мужа Зинаида Николаевна написала письмо Сталину о несправедливом закрытии театра. Конечно, ни к чему хорошему такой поступок в то время привести не мог.

«Ее бурная жизнь с драмами и триумфом закончилась в одну из зловещих ночей 1939 года, когда она после ареста Мейерхольда была найдена в своей квартире зверски зарезанная чьей-то финкой, – пишет С. Куняев. – По подозрению в убийстве были арестованы два актера — отец и сын, ходило много слухов и предположений, но до сих пор ничего не выяснено: кто убил Райх, по чьему приказу, из каких убеждений... Ходили слухи, что незадолго перед этим она в нервном состоянии на людях обещала рассказать какую-то правду о смерти Есенина».

После гибели З.Н. Райх в ее квартиру вселились люди из obsługi Лаврентия Павловича Берии...